

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/81/8

**Лермонтовские цитаты и реминисценции
в антинигилистическом романе Н. С. Лескова «Некуда»**

Вургун Георгиевич Мехтиев

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

mexhtiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9071-6528>

Аннотация

Исследуется функция цитат и реминисценций из произведений Лермонтова в романе «Некуда». Лермонтовский «текст» в сюжетно-тематической структуре романа придает повествованию элегическую грусть. Цитаты используются для выражения авторской оценки изображенного мира, а также во внутренних и внешних монологах персонажей. Всё это возвышает произведение над социально-прагматическими задачами, стоящими в их замысле. Роман, овеянный лирическим настроением «лермонтовского человека», позволяет автору соотносить тему нигилизма 1860-х гг. с вершинными темами и мотивами русской литературы. Цитаты из Лермонтова словно бы преодолевают «памфлетную», «тенденциозную» заданность текста, в чем обвиняли Лескова его современники, формируют в нем неявный трагический сюжет.

Ключевые слова

Н. Лесков, М. Лермонтов, лирика, проза, цитата, трагическое, нигилизм

Для цитирования

Мехтиев В. Г. Лермонтовские цитаты и реминисценции в антинигилистическом романе Н. С. Лескова «Некуда» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 104–116. DOI 10.17223/18137083/81/8

**Quotes and reminiscences from the works of Lermontov
in the antinihilistic novel “Nowhere” by N. S. Leskov**

Vurgun G. Mekhtiev

Pacific State University
Khabarovsk, Russian Federation

mexhtiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9071-6528>

Abstract

The paper deals with quotes and reminiscences from Lermontov’s works in the novel “Nowhere” by Leskov. The Lermontov’s text is used to express the author’s assessment and in the

© Мехтиев В. Г., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 104–116

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 104–116

internal and external monologues of the nihilists of the “pure race” following the “theories” of nihilism. They tend not to delve into the contradictions of this phenomenon, therefore finding themselves in conflict with tradition. Lermontov’s reminiscences add lyrical drama to the characters’ conflict with society and their social protest. They help the author relate the theme of nihilism to the high themes and motives of Russian literature. As Leskov considers Lermontov’s poetry an example of skepticism and rebellion of the gifted man against authority, he shows the connection of the nihilism of his time with the complex of rebellious and demonic worldview characteristic of Lermontov’s lyrical hero and Pechorin. Lermontov’s motifs in the novel elevate the images of “pure nihilists” above the socio-pragmatic tasks of their plan. The personality traits of Lisa Bakhareva, Justin Pomada reveal a romantic yearning for an ideal. Searching for an ideal, they are captured by the “theories” of nihilism. Leskov regarded the contradictions in the inner world of both “Lermontov’s man” and the characters in “Nowhere” as a feature of the Russian national character. The writer’s sympathy for such a spiritual experience is accompanied by a desire to understand its moral origins. The quotes from Lermontov overcome the “pamphlet,” “tendentious” nature of the text, which Leskov’s contemporaries accused him of, to form a hidden tragic plot.

Keywords

N. Leskov, Yu. Lermontov, lyrics, prose, quote, tragic, nihilism

For citation

Mekhtiev V. G. Quotes and reminiscences from the works of Lermontov in the antinihilistic novel “Nowhere” by N. S. Leskov. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 104–116. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/8

Творчество Лескова связано с литературной традицией. На это указывали многие исследователи. Д. С. Лихачев писал, что в прозе писателя «прослеживаются многообразные отношения <...> с различными историческими пластами русской словесности» [Лихачев, 1988, с. 12]. Серьезное место в мире Лескова занимают традиции древнерусской литературы [Прокофьев, 1988], а также русского романтизма [Троицкий, 1988, с. 149–156], но тема «Лесков и Лермонтов» не привлекала внимание ученых, хотя связь писателя с поэзией и прозой Лермонтова базируется на преемственности многих ключевых для них образов и мотивов.

Еще в раннем возрасте Лесков встретился с лирикой Лермонтова, проникся его возвышенно-трагическим чувством. Высоко ценя талант поэта, Лесков находил в его творчестве отклик на свои переживания и импульс для развития тем и мотивов в своих произведениях. Он отмечал, что в характере Лермонтова воплотилась бестрепетность в отношении к жизни. В письме к сыну, призывая его к сосредоточенному взгляду на мир, Лесков советовал «укреплять дух размышлениями»: Лермонтов в девятнадцать лет был полон «томящих, но единственно живых вопросов» [Лесков А., 1984, с. 336, 337]. Бесстрашие, свойственное поэту, писатель находил лишь у Л. Н. Толстого, который, смело ища ответы на «проклятые вопросы» жизни, возвысился до духовного прозрения. Слова Толстого о смерти («у нее кроткие глаза») вызвали в памяти стихотворение, приписываемое Лермонтову: смерть приходила «неслышимо, незримо» и говорила с «тоской невыразимой»: «Пора!» [Там же, с. 337]. Но Лесков временами негативно отзывался о поэте, находил в нем «много противного и гадкого», полагал, что его противоречия были следствием «пороков своего века» [Лермонтовская энциклопедия, 1980, с. 254–255]. Он задумывался над природой лермонтовской гордыни, иногда с недоумением смотрел на решительное неприятие его героями действительности.

Будучи уже большим художником, Лесков обращался к наследию Лермонтова, мог даже свободно стилизовать его манеру. Слова из письма к Крохину (19 сен-

тября 1889 г.) «все люди да люди, – хоть бы черти для смеха попадались» – являются перефразированием конца письма Лермонтова к С. А. Бахметьевой «Все люди, такая тоска; хоть бы черти для смеха попадались» [Лесков А., 1984, с. 284]. А в письме к А. И. Толиверевой (28 июня 1883 г.) цитаты из Лермонтова соединены с характерным для Лескова юмором: «Вы ошибаетесь и принимаете за хандру “волнение крови молодой”, “но дни бегут и стынет кровь...” И в самом деле: “что такое людей минутная любовь”. При хандре на даче хорошо кушать простоквашу и чернослив» [Лесков, 1987, с. 281].

В 1860-е гг. в новом значении возникают конфликты, намеченные в творчестве М. Ю. Лермонтова. Распространенные среди молодежи абстрактный гуманизм и этический нигилизм означали не только форму общественного протеста, «рыцарское» служение революционной идеологии, но также отрицание стародавних истин, «предрассудков», как считалось, несоизмеримых с идеей свободы личности. Одновременно нигилизм был наделен парадоксом, проявляющимся в его странной переключке с байронизмом и демонизмом, о чем в иронически-уничтожительной манере писал еще М. А. Антонович в связи с романом «Отцы и дети»: «По-видимому, г. Тургенев хотел изобразить в своем герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру, что-то вроде Гамлета...» [Антонович, 1961, с. 42]. В реплике критика из «Современника» о сходстве между Базаровым и героями Байрона, демоническими персонажами литературы, вероятно, заключалась внутренне им самим осознаваемая истина [Коньшев, 2013]. Поэтому нет ничего непредвиденного в том, что в процессе создания своего романа Лесков с интересом отнесся к художественному наследию Лермонтова, к психологии его ведущих героев и творчески использовал идейно-эстетические приемы поэта.

Автор «Некуда» был одним из первых в литературе, кто столь обнаженно связал неоднозначные искания героями Лермонтова своего места в жизни с такой реальностью эпохи, как нигилизм. Сконцентрировавшись на главном противоречии своего времени, Лесков с опорой на созданные поэтом образы и картины показал столкновение последовательно и порой фанатично отстаиваемого нигилизма с исторически сложившейся традицией духовности. Обнаруживал в характере персонажей черты, роднящие их с безнадежной тоской и трагической безысходностью, с такой силой проявившимся у героев предшественника. Вносил в изображение конфликта «нового» и «старого» сугубо лермонтовский «элемент», что позволило ему дать правдивую социально-этическую характеристику героям, пребывающим в плену «разумных теорий» и в силу этого невольно оказавшимся в состоянии нравственной и интеллектуальной «диспепсии».

Мало у кого вызывало сомнения, что творчество Лермонтова открыло новую страницу в исканиях русской литературы. Белинский писал, что «Лермонтов – поэт другой эпохи» и что «его поэзия – совсем новое явление в цепи исторического развития нашего общества» [Белинский, 1982, т. 3, с. 238]. Болезненное чувство личности, сосредоточенность на борениях духа человека, даже ценой противопоставления внутреннего мира его общепринятым нормам, – всё это давало Лескову наглядный пример бескомпромиссного столкновения в героях Лермонтова начало «личного» и «общего», пример негатива, связанного с отрывом от народной почвы.

В начале 1860-х гг. вышли сочинения Лермонтова под авторитетной редакцией С. С. Дудышкина. В предисловии критик назвал его «поэтом отчаяния», создавшего образ «гордого скептика» Печорина – «желчного», с «едко-острым» умом. Но всё же выразил некоторое удовлетворение пародией на него в романе

М. Авдеева «Тамарин» (1852). Издатель с сочувствием отметил, что Лермонтов отобразил как «общечеловеческое начало», так и идеи своего времени, а потому «будет дорог всем тем несчастным поколениям, на долю которых выпадает ужасная судьба его эпохи» [Дудышкин, 1863]. Достойны внимания и спорные выводы Ап. Григорьева об «исчезновении» в литературе «лермонтовского направления», по его мнению, любовавшегося образами эгоистов, «хищников», демонов, каким является Печорин [Григорьев, 1969, с. 61].

Лесков, несомненно, был знаком с мнениями современников о романтизме и поэзии Лермонтова. Отношение писателя к великому предшественнику отразилось в статье «Литератор-красавец» (1867), где он подшучивает над «злодейски меткой мыслью» Авенариуса «уязвить Пушкина». Лесков советует объективно оценить русских романтиков. Пренебрежение истиной привело к тому, что «г. Авенариус, прочитав у Лермонтова “Я, Мать Божия” и у Пушкина “Христос воскрес, питомец Феба”, сделал лживый вывод о “кощунстве” поэтов». Он оспаривает убежденность Авенариуса в том, что русская литература якобы чужда романтизму. Лесков пишет о «продолжительнейшей полосе романтизма в русской литературе» и отмечает, что «история нашей литературы упоминает целую вереницу известнейших имен писателей-романтиков»; «русский романтизм имел своих больших друзей, был предметом больших рассуждений и толков» [Лесков, 1958, т. 10, с. 52–53]. Нравственная парадигма, выраженная в художественной форме у Пушкина и Лермонтова, ценна для Лескова, жившего в кризисную эпоху «утилизации» общественных ценностей.

Лесковское восприятие художественного мира Лермонтова проистекало из понимания основного пафоса произведений поэта, отразившего сокровенные побуждения личности, сосредоточившейся на духовном смысле человеческого существования. Писатель вполне осознавал величие Лермонтова, которое утвердилось в понимании общества во второй половине XIX в. Не случайно он видел в образах нигилистов «чистой расы», созданных им в романе «Некуда», их типологическую близость к героям-бунтарям Лермонтова, тоскующим по честной жизни. Изображая двойственные натуры, он творчески использовал и лермонтовские идейно-эстетические приемы, выразившиеся в противопоставлениях «земного» и «небесного», самобытных национальных характеров и героев, оторванных от «почвы».

К началу 1860-х гг. сложилась устойчивая традиция рецепции лирики Лермонтова и его Печорина. Русская критика очень скоро поставила героя в ряд «лишних людей». Он воспринимался в русле настроений прогрессивного дворянства с его недовольством «застойной» действительностью. Эти аспекты функционирования героя неизменно находились в зоне внимания историков литературы и хорошо изучены [Лермонтовская энциклопедия, 1980, с. 101–111]. Но одновременно – со стороны «оппозиции застоя» (Ап. Григорьев) – в обыкновение вошла неприязнь к Печорину. Люди крайне консервативных взглядов отмечали, что герой укоренился в сознании его эпигонов как эталон социального поведения. Почитатели Печорина в массе своей действительно игнорировали философский аспект романа Лермонтова. Зато разочарованность, холодная апатия, «трагуемые как маска тонкого и глубоко страдающего человека, становятся предметом подражания» [Журавлева, 2002, с. 218]. Еще со времени появления повести С. А. Бурачка «Герои нашего времени» (1845) было положено начало маргинализации Печорина. Проза 1840–1850-х гг. дает много примеров пародийного изображения печоринствующего героя. Это не только упоминаемый роман «Тамарин», но и «Асмодей нашего времени» (1858) В. П. Аскоченского. А. Ф. Писемский ставил целью

свести «с ходуля на землю» Батманова и Бахтиярова, скрывающих свои истинные намерения под маской печоринства. Даже М. Е. Салтыков-Щедрин, олицетворяющий «оппозицию прогресса», – и тут «оппозиция прогресса» по странной логике смыкается с «оппозицией застоя» – в «Губернских очерках» создает образы «разных сортов» «провинциальных Печориных». В ситуации сложившейся традиции «низвержения» Печорина Лесков, наряду с Тургеневым, выступал скорее сторонником именно лермонтовской трактовки демонической личности, мироощущение которой, на его взгляд, имело корни в своеобразии национального уклада жизни. Он далек от однозначного взгляда на героев Лермонтова. В «контрастности» внутреннего мира «лермонтовского человека» Лесков усматривал черту русского характера, тоскующего по идеалу, стремящегося к возвышенному миру. Приобщаясь к высокому смыслу бытия, романтические герои поэта с роковой неизбежностью оказывались в противоречии с общепринятыми нормами. У Лескова интерес к идейно-романтической сфере их жизни, сочувствие их душевному разладу сопровождается желанием осмыслить его нравственные истоки.

Демоническое начало героев Лескова рождает отдельную тему функционирования «Демона» в сознании эпохи, которую они представляли. Известно, что полная печатная версия поэмы появилась в 1860-м г. в собрании сочинений Лермонтова. До сих пор рядовые читатели знали только фрагменты из нее, напечатанные в разное время. В их восприятии «Демон», вероятно, не занимал столь важного места, как «Герой нашего времени». Хотя шестидесятники, как в случае с Печориным, «заземлили» черты Демона, локализовали его в «лишних людях», истолковывая его образ в общественно-историческом контексте. Они остались нейтральными к лирико-философскому содержанию произведения. Вероятно, Лесков в пору создания романа «Некуда» еще не до конца осознал значение образа Демона в применении к собственному художественному опыту. Но о поэме он не забыл. Не случайно в романах «Обойденные» и «Островитяне», заслуживающих отдельного рассмотрения в рамках нашей темы, демонические черты своих героев он раскрывает в том числе с опорой на поэму Лермонтова.

Ведущие герои «Некуда» (Лиза Бахарева, Юстин Помада), воплотившие острые коллизии своего времени, существуют как бы на стыке двух измерений: романтического и реалистического. В авторском приеме создания их образов видимое место занимает поэтический мир Лермонтова, благодаря чему в романе проявляется вторичный семантический пласт, отражающий трагизм внутренних борений героев. В обрисовке характеров Лесков следует романтическому приему противопоставления «высокого» и «низкого». Лизу и Помаду, искренних в своем порыве к лучшему, резко отталкивает растлевающий провинциальный быт. Здесь их мироощущение и жажда полезной деятельности не встречает сочувствия, напротив, – окружающие пытаются подчинить их выхолощенным провинциальным нравам. Не желая мириться с «трясиной», герои устремляются в «даль», в «иной» мир. Одно из трагически неразрешимых противоречий Лизы Бахаревой – это «противоречие между присущим ей от природы стихийным влечением к воле» [Столярова, 1978, с. 82], к жизни с высоким содержанием и «мертвенными» формами провинциального существования, враждебным живым потребностям ее души. В образах Бахаревой и Помады доминирует романтический мотив отчужденности от окружающей их атмосферы «духовного крепостничества». Однако интересно осмысление Лесковым типичной романтической коллизии.

Персонажи «Некуда», как и романтические герои, беззаветно преданы правде. Но герой романтизма, как правило, стремится к постижению всеобъемлющего смысла жизни и вечной гармонии. А для нигилистов «чистой расы» Лескова идеал ограничивается границами утопической социальной идеи, которая целиком поглощает их, растворяет в себе, лишая их внутренней свободы. Здесь мы сталкиваемся с феноменом рабства духа перед идеей, лишенной одухотворенности. «Прежде идея, а потом я», – иронически передает автор слова Помады, принижая романтическую приподнятость героя юмором.

Герой Лескова мечтает «о любви и самоотвержении» и надеется, что «случай какой-нибудь неожиданный» выведет его на истинную дорогу. Помада мучительно размышляет о причинах своего отрыва от реальности, горько сознавая, что «не имеет ни одной привязанности устоявшейся, серьезной». В нем «всё, так сказать, расплывчато». Для утверждения своего самобытного «я» он готов идти даже на смерть, но его одолевают сомнения: «Только за кого? За что?» [Лесков, 1957, т. 2, с. 22]. Не найдя в провинциальном окружении ничего достойного симпатии, герой в поисках смысла присоединяется к «теоретикам» нигилизма. При этом по-романтически ставит выше всего социальную идею, считая, что ради нее должен отказаться даже от себя. Лесков в такой убежденности Помады видит искажение романтических идеалов. Поэтому автор окрашивает образ героя юмором. Лиза также уверена, что существует верная теория, способная сбросить накопившийся «хлам прошлого». Такое обобщение перемещает социальные факторы, лежащие в основе сюжета романа, в лирико-философский план.

В «Некуда» тема печоринства связывается с темой гамлетизма. Нигилизм 1860-х гг. обострил интерес писателя к герою Шекспира. Об этом свидетельствуют пометы, сделанные им в имеющемся у него экземпляре «Гамлета» [Лесков А., 1984, с. 518]. Понимание Лесковым гамлетизма перекликалось с анализом Тургенева черт личности романтических героев, а также «двух человеческих типов» в работе «Гамлет и Дон Кихот» (1860). Разумеется, нельзя отождествлять взгляды Лескова и Тургенева, речь здесь лишь о некоторой соприродности восприятия писателей-современников романтизма и творчества Лермонтова.

Еще в рецензии на перевод «Фауста» Гёте (1844) Тургенев писал о склонности романтической личности к тому, чтобы «сбросить иго преданий», «вообще всякого авторитета». Романтик «живет сердцем, но одиноким, своим, не чужим сердцем». В Фаусте фиксируется примета «новейшего времени – автономия человеческого разума и критики». Показательны размышления о Мефистофеле: «Он воплощение того отрицания, которое появляется в душе, исключительно занятой своими сомнениями и недоумениями; он – бес людей одиноких и отвлеченных». У Тургенева образ Мефистофеля ассоциируется с личностью Лермонтова, которого возмущал «другой могучий образ» – «воплощенное проявление критического начала» [Тургенев, 1978, т. 1, с. 220, 330]. В 1860-е гг. Тургенев рассматривал присущую печоринскому типу склонность к холодному взгляду на мир и самоанализу в свете классификации двух универсальных человеческих типов. Отправной для него является образ Гамлета, он отмечает в нем эгоизм, высокомерие и насмешливо-критическое отношение к окружающим [Тургенев, 1980, т. 5, с. 330–351].

Лесков, следуя опыту Тургенева, создавшего характеры с гамлетовскими чертами, подмечает в героях «Некуда» начало рефлексии. Показывает сложный процесс их самопознания, неоднозначную устремленность к истине, как правило, носящей в их представлении отвлеченно-теоретический характер. Крайности реф-

лексии, отражающие односторонность и неполноту личности, думал Лесков, и крайности всепобеждающей железной воли были следствием непросветленности религиозным идеалом. И то, и другое гарантировало движение по пути нигилизма.

В «Некуда» проводится грань между Печориным и печоринствующими героями, между гамлетизмом истинным и мнимым. Лесков подмечает пародийность печоринства, гамлетизма нигилистов Арапова, Белоярцева, пристегнувшихся к общественному движению. В главе «Новейшие люди и фасоны» «мрачный Гамлет» Розанов словами Лермонтова и Шекспира уличает их в ложном гамлетизме и печоринстве. Он, перефразируя слова русского поэта, иронизирует по поводу их попыток опорочить настоятельницу женского монастыря матери Агнии: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так глупо». Обличает «гамлетизм» Зарницына, произносящего слова из трагедии Шекспира: «Страшно. За человека страшно мне!» Розанов парирует пародийного персонажа: «Именно все вы, как посмотришь на вас, не больше, как “слова, слова, слова”» [Лесков, 1957, т. 2, с. 696, 699].

Влияние идей и образов Лермонтова с особой силой отразилось при создании характера Лизы Бахаревой. Героиня выступает не просто нигилисткой, но гордой, трагической натурой, объявившей бунт против устоявшихся форм жизни. Для нее характерна типичная коллизия романтических героев Лермонтова, олицетворяющих борьбу между «старым» и «новым» временем, воплотивших разрыв между рассудочным знанием и интуицией, героев сомневающих и в силу этого не признающих в «старом» ничего непоколебимого. Лесковская героиня двойственна: она презирает окружающих, но в то же время не удовлетворена собой и страдает от своего одиночества. Лиза знаменует кризис эгоцентризма гордых героев поэта. Она не находит в себе успокоения, в самой себе не может найти истоки счастья, но и не желает покоряться порядкам провинциального общества. Здесь героиня заметно сближена с лермонтовскими персонажами. Одновременно обнаруживается и грань, отделяющая ее от них.

В изображении Лизы Лесков прибегает к характерным для поэта образам, которые легко различимы, использует лермонтовские стилистические приемы. Например, доведенная до отчаяния разладом в семье, Лиза в «каком-то иступлении» восклицает, обращаясь к Женни Гловацкой: «Ангел мой, возьми! Я здесь их возненавижу. Я стану злая, стану демоном...» [Там же, с. 95]. Автор обращает внимание на ее «болезненное личико», выражающее «мертвую апатию», «недовольство собой и всем окружающим миром», на ее «обиду и разочарование». Вокруг героини создается фон «сумрачной тишины, вызывающей на размышления» [Там же, с. 95, 542, 680]. Впрочем, мотив обиды, характерный для многих образов Лермонтова, является основным и в образе Лизы Бахаревой. Лесков показывает постепенное перерождение обиды героини в мстительное чувство, овладевшее всем ее существом.

Черты личности Бахаревой ярко раскрываются в эпизоде чтения «Учения о пище» Молешотта. Она задерживает внимание на месте, где говорится, что естественная потребность в пище определяет в человеке всё, вплоть до духовной деятельности. Ученый-физиолог противопоставил право «каждого разумного существа на труд и хлеб» идее христианского сострадания [Там же, с. 752]. Лиза колеблется, боясь согласиться с прочитанным. Но гордое неприятие пошлой жизни не позволяет ей выйти преобразенной из состояния внутренней борьбы. Подчеркивая это, Лесков использует элегические мотивы Лермонтова и с их помощью сталкивает крайности в движении мыслей героини.

Бахарева сознает, что сострадание к голодным не должно отрицать благоговейного поклонения природе, ее высокой и таинственной жизни. Ведь лермонтовские герои, к которым она близка, высоко ставят природное начало жизни, преклоняются перед природой как перед идеалом непосредственной красоты. Не ставит ли это под сомнение устремленность Лизы к преувеличению материально-телесной стороны человеческого бытия, пересмотру отношения к природе как явлению не только физическому, но и духовному, считая, что в духовных своих проявлениях «природа глупа»? Понимая, что она «теперь одна», «на всю жизнь одна», героиня в то же время пытается сохранить присутствие духа: «...но Бог с ними со всеми. Что в их теплоте! Они вертятся вокруг своего солнца, а мне не нужно этого солнца. Тяжело мне и пусть» [Лесков, 1957, т. 2, с. 526]. В исповеди Лизы угадывается присущая Печорину склонность к самоанализу. Характерно общее для них скептическое отношение к опыту и верованию «отцов».

Интересно сверить мысль героини с ироническими рассуждениями Печорина о предках – «людях премудрых», живших верой в то, что «светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!..» [Лермонтов, 1990, т. 2, с. 585]. Лиза Бахарева более решительна в своем отрицании. Если Печорин, отвергая мировосприятие предков, колеблется всё же между предубеждением и желанием приобщиться к живому смыслу бытия, то героине близки лишь его ирония и неверие. Далее Лесков раскрывает разноречивость душевных движений и мыслей Бахаревой. Сталкивает в ее переживаниях «логику ума» и «логику сердца», описывая ее состояние как нечто среднее между явью и сном. Перед ее глазами вырастают образы няни, Женни, Розанова и других близких людей, которых она отвергла, тем самым становясь и против высших сил природы. Ведь Розанов когда-то утверждал, что без любви и признания одухотворенных сил природы человек мельчает, становится ограниченным в своих представлениях о мире: «...будто уж за то, что я понимаю, как на меня действуют некоторые внешние условия, я уже не могу чувствовать прекрасного. Как можно отвергнуть то, что

Есть сила благодатная

В созвучьи слов живых» [Лесков, 1957, т. 2, с. 195].

Вовлекая лирические высказывания Лермонтова в повествование, Лесков показывает изолированность Лизы от людей и природы, утрату внутренней цельности. Проговаривая слова поэта, Бахарева интуитивно догадывается, что уже не может в «минуту жизни трудную» твердить «молитву чудную», уловить благодатную силу «созвучья слов живых». Любовь к природе смиряет душу: «С души как бремя скатится. Сомненье далеко – И верится, и плачется, И так легко, легко» [Лермонтов, 1990, т. 1, с. 179]. Лиза же отказывается от духовной стороны присутствия человека в мире, предпочитая ей утрату природно-социальных связей. Бунтарской натуре Бахаревой покой чужд. Отвержение Бога, духовного во имя материальных целей уже свершилось в ней. Правда, краткие прозрения о вечности и красоте природы приближают героиню к истинным ценностям: «Потом Райнер. Где он? Он должен быть здесь... Отец клянет... Образ падает из его рук... Какая тяжкая сцена!.. “Укор невежд, укор людей”» [Лесков, 1957, т. 2, с. 586]. Но выражение «укор невежд, укор людей» отсылает к стихотворению Лермонтова («Я не хочу, чтоб свет узнал...»), которое по смыслу контрастирует с лирической формулой чувства в предыдущем тексте.

Гордый герой лермонтовского стихотворения отчужден от общества. «Укор невежд, укор людей» – ничто в сравнении с беспокойством и борениями души

самой «высокой». Персонаж обращается непосредственно к небу: «И пусть меня накажет тот, / Кто изобрел мои мучения» [Лермонтов, 1990, т. 1, с. 163]. Для него укор людей, ограниченных пределами земного знания, неистинен и несправедлив. Так, используя поэтические идеи и образы Лермонтова в сюжете «Некуда», в его напряженных в смысловом отношении эпизодах, Лесков добивается особого драматизма в передаче конфликтов произведения.

В романе Лескова текст Лермонтова претворяется словно на интуитивном уровне. Бессознательные цитации распространяются как на автора-повествователя, так и на «речевое поведение» нигилистов «чистой расы», включая и Розанова, выступающего в романе выразителем авторской позиции. Ненарочитое, почти бытовое «воспоминание» Лермонтова, вероятно, свидетельствует о необычайной близости героев писателя мироощущению Лермонтова, позволяет рассматривать их в качестве духовных наследников его. Но только в условиях 1860-х гг. внутренние противоречия «лермонтовского человека» обрели новое содержание – оказалось, что понятия нравственной свободы и искаженно мыслимого прогресса, ради которого готовы принести себя в жертву нигилисты «чистой расы», несоединимы.

Создавая образ Помады, Лесков также обращается к творчеству Лермонтова. В художественных приемах, раскрывающих его характер, как было сказано, преобладает ироническая тональность. Восторженно-романтическое восприятие мира у героя находится в неразрешимом противоречии с атмосферой окружающего быта. Уходя в мир своих фантазий, он лелеет мечту о «высоком подвиге», «высоком служении». Помада жалуется на скуку и тоску: «А скука-то, скука-то! Хоть бы удавиться в ту же пору» [Лесков, 1957, т. 2, с. 122]. Здесь даже синтаксическая конструкция и ритм речи героя напоминают Лермонтова (ср.: «Все люди, такая тоска; хоть бы черти для смеха попадались»). По мере развития сюжета ирония уступает место сочувственному взгляду автора на героя, в переживаниях которого начинают звучать трагические нотки. Помаде кажется, что он нашел «свою дорогу», постиг высокий смысл существования. Создав романтический ореол вокруг польского восстания, он уверяет себя, что минута высокого подвига настала. Он и Лизу любил чистой, романтической любовью. Чувства к ней защищали от низменности реального бытия. «Я вам много надоедал, – говорит он Лизе перед вечным расставанием. – Я помню каждое ваше слово. Мне без вас было скучно. Ах, если бы вы знали, как скучно!» [Там же, с. 619]. Безнадёжная скука, ощущение богооставленности неизбежно влечет за собой род душевной болезни – заблуждение смертью.

Помада перед смертью проговаривает: «Мне давно надоело жить. Я пустой человек... ничего не умел, не понимал, не нашел у людей ничего...» [Там же, с. 658]. Всё это сближает героя с Печориным. Сравним: «...мне и самому порядочно уж скучно; зачем я жил? Для какой цели я родился? <...> А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначено высокое...» [Лермонтов, 1990, т. 2, с. 564, 482, 483]. Мучительно сознавая неизбежность смерти, Юстин Помада достигает трагического величия: «Вот видите, как я умираю... Лизавета Егоровна думает, может быть, что я... что я и умереть не могу твердо. Вы ей скажите, как я “с свинцом в груди”...» [Лесков, 1957, т. 2, с. 658]. Освещая лермонтовской цитатой муки героя, Лесков следующим замечанием («...мне показалось смешно, что я с свинцом в груди ... всё это не то...») добивается двусмысленности образа.

Цитата заимствована из «Сна» Лермонтова («В полдневный жар в долине Дагестана...») ¹. Стихотворение построено на коллизии «родная сторона» – «чужой край». Для него сквозным является мотив изгнания и трагической смерти на чужбине. В таком контексте судьба Помады является естественным завершением рокового конфликта между мечтой и действительностью. Но двусмысленность образа отразилась и в том, что герой, сознавая свою близость к романтическим героям Лермонтова, в то же время ощущает чуждость им. Эта чуждость, думается, обусловлена его пониманием неравнозначности романтического идеала и преданности идеям, обладающим реальным, посюсторонним смыслом. Сюжетно-тематическая композиция и пафос образа Помады (родина – чужбина – смерть), внешне совпадая с темой «Сна», контрастирует с ней в идее. Контраст связан с отмеченными семантическими смешениями в образе героя.

Создавая образ Помады, Лесков, можно сказать, объединяет юмористическую манеру Гоголя и «сумрачность» поэтического колорита Лермонтова. Уподобляя характер героя мироощущению поэта, он в создании его образа применяет одновременно гоголевский стиль. Установлено, что традиции Н. В. Гоголя занимают большое место в романе «Некуда», при этом в основном делая акцент на «Мертвых душах» и «Ревизоре» [Видуэцкая, 1988, с. 33]. Но поэтика «Вечеров...» отозвалась в лесковском романе не менее наглядно, к тому же в ключевых с точки зрения художественного содержания эпизодах. При чтении главы «Крещенский вечер» невольно вспоминается эпизод повести «Майская ночь, или Утопленница». Всё время святок Помада сидит в комнате. Наступает поздняя ночь, и с нею приходит таинственная тишина: «За стеною, в столярной, давно прекратились звуки гармони и топот пляшущих святочников, и на меревском дворе всё уснуло. Даже уснула <...> воющая русская кура, даже уснул и погас огонек, доев сальный огарок в комнате Помады. Не спала только холодная луна <...> Да не спал еще Юстин Помада <...>. Он всё бегал и бегал по своей комнате, оправдывая сделанное на его счет сравнение с полевым волком, содержащимся в тесной клетке» [Лесков, 1957, т. 2, с. 121].

Сравним эту картину с пейзажной зарисовкой в гоголевском тексте: «Так же торжественно дышало в вышине, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Так же прекрасна была земля в дивном серебряном блеске <...> всё погрузилось в сон. <...> долго еще пьяный Каленик шатался по уснувшим улицам, отыскивая свою хату» [Гоголь, 1994, т. 1, с. 34]. В описании Гоголя заметно стремление обнаружить связь духовной природы человека с высоким и прекрасным миром. Здесь ощущается связь земли и неба, человека и Бога. Каленик значителен на фоне ночи. Его детская душа открыта дивной красоте, ему чужды тоска, уныние. У Лескова же тема связи человека с Божьим миром переосмыслена. Образ Помады не соотносится ни с православным торжеством, ни с природой. Он предельно сосредоточен на самом себе. Герой отчужден от миропорядка в целом, его случай зеркален, напоминает ситуацию известного персонажа Тургенева: «Я был совершенно лишним человеком на сем свете»; «уничтожаясь, я перестаю быть лишним...» [Тургенев, 1980, т. 4, с. 215]. По мысли Лескова, процесс самопознания, что видно на примере Помады, в отрыве от Божьего смысла мироздания приводит к сознанию роковой безысходности.

¹ В одиннадцатитомном собрании сочинений, единственном на сегодняшний день академическом издании Лескова, в качестве источника цитаты ошибочно указано стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» [Лесков, 1957, т. 2, с. 754].

Обращаясь к Гоголю, Лесков использует его манеру отражать стороны жизни, придавая им причудливые, фантастические формы и приукрашивая всё это легким юмором. Зачин уже названной главы романа, думается, соотносится с картиной из повести «Ночь перед Рождеством». Вот как повествует Лесков: «...с самого начала сумерек люди сбивались с дороги: вместо парадного крыльца дома попадали в садовую калитку; <...> отправляясь к управительнице, попадали в избу скотницы. Такая пурга была, что свету божьего не видно» [Лесков, 1957, т. 2, с. 115]. Вспоминается юмористическое описание Гоголя: «...вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку» [Гоголь, 1994, с. 93]. Заблудшие из-за незатейливой шутки казаки попадают к «нечистой силе» – Солохе, возжелав «разнежиться» у нее. Трагическое чувство героев Лескова является эхом гоголевской мысли о забвении духовных ориентиров. Стремясь к полноте жизни, но в отрыве от духовного смысла, они оказываются у пропасти.

В первых же отзывах о романе «Некуда» был задан, так сказать, дурной тон: суждения о нем были поверхностны и большей частью содержали ругательства в адрес автора. О романе говорили как о «сухом, полицейско-следственном протоколе» [Суворин, 1864]. Один из рецензентов уловил «дух» романа, но поставил его в вину автору. А Скабичевский привлек внимание к тому, что литература 1860-х гг. дала за «последние пять лет целую школу произведений, однородных по взглядам» («Отцы и дети», «Взбаламученное море», «Некуда»). Истоки их он возвел к Жуковскому, Лермонтову; словесность, представленная этими именами, шла якобы к «отрицанию самой жизни и права человека на жизнь». Вдохновленная «болезнью» литературы прошлого, «нынешняя школа» писателей направляет волю человека «не на внешнюю деятельность», а «на внутреннее самовоздержание». На то, чтобы «посредством усилий своей воли над самим собой был идеальным человеком в каждый момент своей жизни» [Скабичевский, 1868, с. 3]. А между тем, обращаясь к традициям Лермонтова, Лесков утверждал в литературе именно то, что так возмутило критика-демократа. Писатель бережно отнесся к ее ценностно-смысловому ядру, как оно сложилось в ней. Он стремился к тому, чтобы сомкнуть противоречивые искания людей своего времени, их социально-этические и психологические переживания с традиционными истоками, уходящими в творчество великих предшественников. Именно к опыту Лермонтова приковано внимание Лескова при создании образов нигилистов «чистой расы» – героев истине трагических и наделенных тоской по идеалу.

Список литературы

- Антонович М. А.* Литературно-критические статьи. М.; Л.: ГИХЛ, 1961. 516 с.
Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 3. 614 с.
Видуэцкая И. П. Гоголь и Лесков // Гоголь в литературе народов Советского Союза. Ереван, 1988. С. 128–140.
Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. Т. 1. 496 с.
Григорьев А. Литературная критика / Под ред. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1967. 632 с.
Дудышкин С. С. Предисловие // Сочинения Лермонтова: В 2 т. СПб.: Издание книгопродавца А. И. Глазунова, 1863. Т. 1. С. VII–XXIV.

Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.

Коньшев Е. М. Байроническая личность в изображении Тургенева и Достоевского // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Филологические науки. 2013. № 2 (52). С. 193–199.

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 720 с.; Т. 2. 704 с.

Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 746 с.

Лесков А. Жизнь Николая Лескова: В 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 476 с.

Лесков Н. С. Из переписки / Вступ. заметка и публ. О. Майоровой // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 278–282.

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. 761 с.; 1958. Т. 10. 596 с.

Лихачев Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 12–21.

Прокофьев Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 118–136.

Скабичевский А. Русское недомыслие // Отечественные записки. 1868. № 9. «Современное обозрение и критика». С. 1–46.

Столярова И. В. В поисках идеала. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 230 с.

Суворин А. С. Пропущенные главы из романа «Некуда» // Санкт-Петербургские ведомости. 1864. № 200, 11 сент.

Троицкий В. Ю. Творчество Лескова и русский романтизм // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 149–165.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 1. 574 с.; 1980. Т. 4. 687 с.; Т. 5. 543 с.

References

Antonovich M. A. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, Leningrad, Gos. izd. khudozh. lit., 1961, 516 p.

Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy. V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1976, vol. 3, 614 p.

Gogol' N. V. *Sobranie sochineniy. V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. V. A. Voropaeva, I. A. Vinogradova (Comp. and comm.). Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 1, 496 p.

Grigor'ev Ap. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. B. F. Egorov (Ed.). Moscow, Sovremennik, 1967, 632 p.

Dudyshkin S. S. Predislovie [Introduction]. *Sochineniya Lermontova: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols.]. St. Petersburg, Publishing of the bookseller A. I. Glazunov, 1863, vol. 1, pp. VII–XXIV.

Konyshchikov E. M. Bayronicheskaya lichnost' v izobrazhenii Turgenyeva i Dostoyevskogo [Byronic personality in the image of Turgenyev and Dostoyevsky]. *Scientific notes of Orel State University. Philological Sciences.* 2013, vol. 2, no. 2 (52), pp. 193–199.

Lermontov M. Yu. *Soch.: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols.]. Moscow, Pravda, 1990, vol. 1, 720 p.; vol. 2, 704 p.

Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov encyclopedia]. V. A. Manuylov (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsiklopediya, 1981, 746 p.

Leskov A. *Zhizn' Nikolaya Leskova: V 2 t.* [The Life of Nikolai Leskov: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1984, vol. 1, 476 p.

Leskov N. S. Iz perepiski [From the correspondence]. O. E. Mayorova (Prep. of text and intr. art.). *Voprosy literatury*. 1987, no. 1, pp. 278–282.

Leskov N. S. *Sobr. soch.: V 11 t.* [Collected works: In 11 vols.]. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit., 1957, vol. 2, 761 p.; 1958, vol. 10, 596 p.

Likhachev D. S. Osobennosti poetiki proizvedeniy N. S. Leskova [Peculiarities of the poetics of Leskov's works]. In: *Leskov i russkaya literatura* [Leskov and Russian literature]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 12–21.

Prokof'ev N. I. Traditsii drevnerusskoy literatury v tvorchestve Leskova [Traditions of Old Russian literature in Leskov's works]. In: *Leskov i russkaya literatura* [Leskov and Russian literature]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 118–136.

Skabichevskiy A. Russkoe nedomyslie [Russian folly]. *Otechestvennye zapiski*. 1868, no. 9, "Sovremennoe obozrenie i kritika [Modern review and criticism]". pp. 1–46.

Stolyarova I. V. *V poiskakh ideala* [In search of the ideal]. Leningrad, LSU Publ., 1978, 230 p.

Suvorin A. S. Propushchennye glavy iz romana "Nekuda" [Missing chapters from the novel "Nowhere to go"]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1864, no. 200, 11 September.

Troitskiy V. Yu. Tvorchestvo Leskova i russkiy romantizm [Leskov's creativity and Russian Romanticism]. *Leskov i russkaya literatura*. Moscow, Nauka, 1988. pp. 149–165.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Collected works and letters: In 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1978, vol. 1, 574 p.; 1980, vol. 4, 687 p.; 1980, vol. 5, 543 p.

Viduetskaya I. P. Gogol' i Leskov [Gogol and Leskov]. In: *Gogol' v literature narodov Sovetskogo Soyuza* [Gogol in the literature of the peoples of the Soviet Union]. Erevan, 1988, pp. 128–140.

Zhuravleva A. I. *Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. Problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2002, 288 p.

Информация об авторе

Вургун Георгиевич Мехтиев, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Vurgun G. Mekhtiev, Doctor of Philology, Professor

*Статья поступила в редакцию 10.01.2021;
одобрена после рецензирования 19.02.2021; принята к публикации 19.02.2021
The article was submitted 10.01.2021;
approved after reviewing 19.02.2021; accepted for publication 19.02.2021*